Отъ автора.

В. И. ВЕРНАДСКІЙ.

1911 годъ въ исторіи русской умственной культуры.

Изъ Ежегодника газеты „Рѣчь“ на 1912 годъ.

ТИПОГРАФІЯ СЛБ. Т-ВА ПЕЧ. И ИЗД. ДѢЛА „ТРУДЪ"

1911 годъ въ исторіи русской умственной культуры.

I.

Въ исторіи русской умственной культуры 1911 годъ останется памятнымъ.

Столкновенія между требованіями достойнаго человѣческаго существованія и навыками русской бюрократіи приняло въ этомъ году въ области культурныхъ организацій страны трагическій характеръ.

Русская умственная культура въ XIX и началѣ XX вѣковъ можетъ считаться созданіемъ *общественной самодѣятельности*. Государственная организація большею частью являлась враждебнымъ ей элементомъ; бывали года, когда даже пассивное отношеніе ея органовъ къ исполненію логически принадлежащаго имъ удѣла было уже исторической заслугой.

Наиболѣе рѣзко эти антикультурныя тенденціи сказались въ вѣдомствѣ, прямой государственной функціей котораго должна была бы являться работа на пользу русской умственной культуры,—въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Здѣсь немногіе свѣтлые годы, когда оно исполняло свою государственную обязанность, скрываются въ тѣхъ временахъ, когда весь его строй принималъ узкопартійный характеръ, доходилъ даже до полнаго извращенія—до разрушенія національной культурной работы.

Но и для этого вѣдомства то, что случилось въ 1911 году, является исключеніемъ. Едва ли когда узкополицейская разрушительная работа государственной организаціи бывала проводима такъ активно, съ такой послѣдовательностью и съ такой свободой отъ государственныхъ обязанностей, какъ въ этомъ году. Аналогію надо искать въ дѣятельности Магницкаго и Рунича, въ проектахъ бутурлинскаго комитета или въ тѣхъ, которые носились въ узкопартійныхъ, невѣжественныхъ кругахъ высшей бюрократіи начала 1880-хъ годовъ.

Это—больше чѣмъ аналогія, ибо дѣйствительное возвращеніе къ идеаламъ этихъ годовъ стало задачей реальной политики. Для высшей школы это означало попытку проведенія въ жизнь устава 1884 г., уничтоженіе всего того, что было долгой борьбой достигнуто за послѣднія 10 лѣтъ. Министерство вновь вступило на опасную и безнадежную дорогу, которая уже привела разъ къ разгрому нашей высшей школы, къ анархіи 1898—1906 годовъ! Это слишкомъ скоро забыли! То, что было анахронизмомъ и безуміемъ 27 лѣтъ тому назадъ, подымается вновь. Въ общество живыхъ людей пытаются ввести наряженные, разлагающіеся трупы...

Ибо уставъ 1884 года уже давно является трупомъ. По своей грубой, элементарной концепціи онъ не можетъ войти въ жизнь. Та смута, которая внесена въ этомъ году въ жизнь высшей школы и послѣдствія которой придется намъ учитывать еще долго,—вызвана имъ. Какъ образно выразился депутатъ проф. Капустинъ, министерство примѣнило метлу дворника въ неподобающемъ мѣстѣ. Оно поставило себѣ неисполнимую задачу: провести въ жизнь, въ среду свободныхъ людей XX столѣтія мрачное созданіе министерскихъ канцелярій, корнями связанное съ традиціями Магницкаго.

Уставъ 1884 года сведенъ на-нѣтъ стихійно, силами внѣшними, своей внутренней конструкціей.

Онъ одновременно встрѣтился съ сопротивленіемъ русскаго общества и съ его ростомъ, съ реальными потребностями русскаго государства, выступившаго въ концѣ XIX вѣка на традиціонный путь міровой политики, съ несовершенствомъ организаціи министерства народнаго просвѣщенія, съ академическими традиціями, уже вошедшими въ плоть и кровь русской школы, съ великой научной организаціей человѣчества.

Эти условія его гибели создали ту историческую атмосферу, въ какой мы живемъ. Они живы, пока не отошелъ въ область преданій уставъ 1884 г. Они живы, такъ какъ составляютъ часть историческихъ устоевъ существованія нашей родины. Передъ ними безсильны самыя разрушительныя стремленія политиковъ. Смѣшно думать, что ихъ можетъ побороть русская бюрократія.

II.

Уставъ 1884 г. былъ введенъ среди борьбы.

Какъ извѣстно, онъ не могъ пройти при Александрѣ II и застрялъ въ дебряхъ тогдашняго законодательства. Смѣшно, въ благопріятную минуту былъ онъ вновь выдвинутъ въ 1883 г. Долго шансы его стояли непрочно. Но, наконецъ, путемъ фальсификаціи онъ былъ проведенъ въ жизнь: графъ Деляновъ представилъ Гос.

Совѣту, для ускоренія дѣла, данныя о состояніи высшаго образованія въ 1880-хъ годахъ, въ дѣйствительности относящіяся къ періоду за 10—12 лѣтъ раньше. Правительство приняло эту законодательную мѣру первостепенной важности на основаніи данныхъ, не отвѣчавшихъ дѣйствительности. Свѣдѣнія представить было нужно,— а собирать ихъ было опасно, такъ какъ можно было упустить удобную минуту. Въ темнотѣ и скрываясь, прошла въ жизнь одна изъ самыхъ темныхъ реформъ русской исторіи. И этимъ она явила какъ бы прообразъ всей своей конструкціи, ибо и явно она шла подъ личиной свободы науки и свободы преподаванія, въ дѣйствительности уничтожая и эту свободу. и всякое проявленіе академической самодѣятельности.

Удобнымъ моментомъ для ея проведенія явились студенческіе безпорядки. Ихъ прекращеніе было ея первой, основной задачей. Несомнѣнно, вначалѣ это было достигнуто; ударъ заставилъ примолкнуть проявленія студенческаго движенія. Но вскорѣ, усиливъ недовольство, не давая никакого законнаго выхода естественнымъ стремленіямъ молодежи къ общенію, къ свободной человѣческой жизни, «реформа» 1884 года привела къ діаметрально противоположнымъ результатамъ; она вызвала расцвѣтъ, раньше неслыханный, тайныхъ студенческихъ организацій, постепенно перешедшихъ на политическую почву. Борьба съ ними на жизнь и на смерть привела, въ концѣ концовъ, къ полной дезорганизаціи академической жизни. *Съ 1898 года и до 1906 г. правильнаго преподаванія въ высшей школѣ не было*; школа находилась въ состояніи анархіи, съ которой энергично боролась русская профессура, такъ какъ начальство не имѣло никакого нравственнаго авторитета, опиралось только на силу, потеряло голову. Своими дѣйствіями оно разрушало школу не менѣе, чѣмъ самыя сильныя студенческія забастовки.

«Реформа» оказалась безсильной бороться со студенческими движеніями. И это было сознано всѣми; не рѣшились въ это время, когда вопіяли камни, возражать и примолкнувшіе ея носители.

Въ то же время ея пагубное вліяніе на силу и мощь нашей страны вызвало въ средѣ самого правительства стремленіе парализовать ея значеніе. Одной изъ задачъ устава 1884 г. было *уменьшеніе количества* студентовъ и прекращеніе доступа къ высшей школѣ бѣднымъ группамъ населенія. Съ этой цѣлью гр. Деляновъ достигъ въ концѣ XIX в. совершенно невѣроятнаго факта въ исторіи просвѣщенія новаго времени: онъ задержалъ ростъ высшей и особенно средней школы. При быстромъ увеличеніи населенія, его стремленіяхъ къ знанію, осложненіи жизни, при все увеличивающейся міровой конкуренціи, гдѣ, въ концѣ концовъ, побѣждаетъ только умственная сила,—Делянову удалось абсолютно уменьшить коли-

чество учащихся въ мужскихъ среднихъ школахъ Россіи. Едва ли можно оцѣнить, какихъ это требовало усилій и какой вредъ нанесенъ нашей родинѣ этимъ государственнымъ преступленіемъ,—едва ли можно сейчасъ охарактеризовать его иначе, какъ этимъ словомъ.

Въ то же время новыя высшія школы не учреждались. Когда министерство вынуждено было ихъ открывать,—оно замѣняло а одно другимъ. Подъ именемъ «университетовъ», оно образовывало отдѣльные факультеты. Оно ввело въ Россіи форму школъ, которая какъ разъ въ это время, въ 1885 году, была признана государственно вредной и пагубной для культуры въ единственной странѣ—во Франціи,—гдѣ былъ историческій опытъ этого рода учрежденій.

Когда было можно, высшія школы прямо разрушались, какъ было пріостановлено и разрушено въ это время высшее женское образованіе.

Но хода исторіи долго безнаказанно задерживать нельзя. Стихійно жизнь даетъ совершенно неожиданные выходы. Часть правительства,—тогда не «объединеннаго»,—министерство финансовъ, не имѣя возможности измѣнить политику министерства народнаго просвѣщенія, начало само исполнять его функціи, ибо этого требовала государственная необходимость. Оно не только открыло странѣ новыя среднія школы, но и создало настоящія высшія школы—не отдѣльные факультеты, а политехническіе университеты. Здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, сказался государственный смыслъ гр. С. Ю. Витте.

Дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія была окончательно дискредитирована. Обществомъ мало-по-малу, огромными усиліями, вновь было возстановлено высшее женское образованіе. Въ немногіе годы относительной свободы оно сумѣло создать цѣлый рядъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ настоящее время высшая русская школа, мало зависимая или независимая отъ министерства народнаго просвѣщенія, обезпечиваетъ страну отъ Цусимы, отъ тѣхъ ударовъ русской культурѣ, какіе были проведены въ 1884 году и къ которымъ ведетъ 1911 годъ.

III.

Наряду съ внѣшними силами, въ томъ же направленіи дѣйствовалъ рядъ причинъ внутреннихъ. Небезнаказанно прошло для создателей устава 1884 г. провозглашеніе принциповъ свободы науки и свободы ученія. Они хотѣли обмануть общество громкими лозунгами и вызвали духовъ, съ которыми не справились. Институтъ приватъ-доцентовъ создалъ коллегію младшихъ преподавателей

и оживилъ научное преподаваніе; онъ позволилъ поставить его въ Россіи на небывалую высоту. Усиливъ значеніе въ академической жизни коллегіи младшихъ преподавателей, уставъ 1884 г., не желая того, измѣнилъ характеръ автономіи, складывавшейся послѣ 1863 г. Онъ измѣнилъ его въ сторону, противоположную той, къ какой стремилось министерство, ибо еще больше уменьшилъ его реальное вліяніе на ходъ дѣла.

Гонораръ заставилъ самыхъ «благонадежныхъ» профессоровъ противиться уменьшенію числа студентовъ. Въ то же самое время онъ поставилъ многихъ профессоровъ независимо отъ министерства, ибо не такъ легко было его распредѣлять по благонадежности. Еще больше непріятностей пришлось вынести министерству отъ вызваннаго имъ духа свободы науки.

На каждомъ шагу жизнь выводила изъ устава 1884 г. слѣдствія, противоположныя желаніямъ законодателя. Не желая давать университетамъ самостоятельности, министерство не провело штатовъ, отвѣчающихъ требованіямъ жизни. Этимъ оно сдѣлало возможнымъ существованіе и ростъ университетовъ лишь при достаточныхъ спеціальныхъ средствахъ. Между тѣмъ, увеличеніе этихъ средствъ было связано съ увеличеніемъ числа студентовъ. И объ этомъ увеличеніи должно было,—неожиданно для министерства,—заботиться самое «благонадежное», назначенное имъ, правленіе, которому приходилось дѣйствовать въ жизни, а не на бумагѣ, управлять растущимъ огромнымъ научнымъ учрежденіемъ со сложными и разнобразными потребностями.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, совершался глубокій процессъ моральнаго характера. Академическая среда въ цѣломъ стала нравственно выше ставленниковъ министерства. Ибо въ 1884 г. широко былъ открытъ путь къ карьерѣ путемъ всякихъ искательствъ въ министерской средѣ. Отборъ совершился довольно быстро, ибо академическія традиціи, научные интересы, общеніе съ молодежью, этическіе конфликты, которые ставила жизнь, постоянно заставляли значительную часть коллегіи сторониться отъ этого пути униженій и исканій, сторониться начальства. Рядъ неудачныхъ назначеній и уровень среды центральныхъ органовъ министерства и его высшихъ чиновъ въ провинціи еще болѣе уединялъ отъ него профессорскую коллегію. Между академической коллегіей и министерствомъ была создана непроходимая пропасть. Эта пропасть не могла и не можетъ быть никогда заполнена, ибо уставъ основанъ на *подчиненіи* русской бюрократіи свободныхъ людей, производящихъ великую національную работу, создающихъ силу націи и кующихъ ея будущее.

Оторванный отъ академическаго управленія, тѣсно связанный съ великимъ научнымъ движеніемъ человѣчества, учительскій пер-

соналъ высшей школы ушелъ больше въ науку, чѣмъ когда бы то ни было раньше въ Россіи. Уставъ 1884 г., давъ досугъ профессорамъ отъ заботъ объ университетскомъ управленіи, увеличилъ неожиданно ихъ научную силу и тѣмъ подготовилъ себѣ гибель. Я помню, что въ тяжелый періодъ 1898—1905 годовъ, когда кругомъ разражалась анархія и студенчество стало лицомъ къ лицу съ полиціей и университетскимъ начальствомъ, и когда начались первыя активныя попытки профессорской коллегіи внести какіе-нибудь элементы примиренія и компромисса въ двѣ борющіяся стороны, грозившія разрушеніемъ высшей школѣ,—для насъ, профессоровъ, впервые сошедшихся вмѣстѣ въ общемъ дѣлѣ, было совершенно неожиданнымъ общее настроеніе нашей среды, ея тонъ и ея правильное академическое чувство.

Научная работа, лабораторіи, семинаріи, институты, съ ихъ своеобразной жизнью и съ ихъ чистыми глубокими интересами позволили профессурѣ перенести тяжелые годы безвременья. Они не дали возможности министерству подготовить въ это время послушныхъ чиновниковъ на мѣсто старыхъ академическихъ дѣятелей александровскаго времени. Молодежь, воспитанная подъ сѣнью устава 1884 г., явилась его первымъ врагомъ.

И это неизбѣжно, ибо научная работа развиваетъ чувство личности и *личнаго достоинства*. Она вырабатываетъ свободнаго человѣка, стоящаго въ среднемъ гораздо выше того уровня, который можетъ отъ души подчиняться министерству.

Въ то же время русская научная мысль находилась въ тѣснѣйшемъ научномъ и личномъ общеніи съ великой международной семьей ученыхъ Европы и Америки. Мы встрѣчались съ ними, какъ равные съ равными. Въ этомъ общеніи мы на каждомъ шагу чувствовали, какую величайшей національной важности работу мы совершаемъ. Мы постоянно сравнивали, въ какія услов я поставлена эта работа у насъ и тамъ, что дѣлаютъ функціи государственнаго управленія у насъ и тамъ, какими людьми и традиціями онѣ представлены у насъ и тамъ. И можно смѣло сказать, что пока русскіе профессора будутъ стремиться къ научной работѣ и будутъ научно работать, всѣ стремленія министерства сдѣлать изъ нихъ приниженныхъ и униженныхъ слугъ будутъ напрасны. Ибо мы знаемъ, что *мы*, а не министерство народнаго просвѣщенія, дѣлаемъ національное и обще-человѣческое дѣло. Мы знаемъ больше: русскіе ученые совершили свою научную работу *вопреки* государственной организаціи, при отсутствіи самыхъ элементарныхъ условій общественной безопасности. Они стали приэтомъ рядомъ, какъ равные по силѣ, со своими товарищами Запада и за океаномъ, которые совершали эту работу или *при помощи* государства, или при

государственной организаціи, обезпечивающей имъ возможность спокойной научной работы.

Въ огромномъ своемъ большинствѣ академическая среда чужда политикѣ. Только тяжелыя условія нашей жизни принудили насъ съ ней считаться, долгимъ печальнымъ опытомъ мы поняли, какъ много связано для нашего національнаго дѣла съ политическими стремленіями родины. Академическое движеніе 1904—1906 годовъ не было движеніемъ политическимъ, тѣмъ менѣе оно было партійнымъ,—оно хотѣло создать условія, необходимыя для сильной и правильной организаціи академической и научной жизни Россіи. И было постольку политическимъ, поскольку для этого требовалось признаніе элементарныхъ правъ человѣческой личности.

IV.

Къ 1905 году академическая жизнь была неузнаваема по сравненію съ тѣмъ, что было въ 1885 г. Къ этому времени отъ устава 1884 г. и его вожделѣній ничего не осталось. Высочайшій указъ 1905 г., создавъ первыя нормы автономіи, долженъ былъ дать необходимый временный modus vivendi; за нимъ сейчасъ же должны былъ пройти новый университетскій уставъ, обезпечивающій ростъ высшей школы на почвѣ автономіи. Серьезно говорили о проведеніи его въ первую сессію первой Г. Думы—въ 1906 г... Состоялось даже Высочайшее повелѣніе, до сихъ поръ неисполненное, о замѣнѣ устава 1884 г. другимъ на почвѣ автономіи.

Событія развертывались быстро. Проекты устава смѣнялись новыми проектами, все болѣе сѣрыми. Жизнь шла, проекты чернѣли и приближались къ черной хартіи 1884 г.

Пока это шло, приходилось жить, надо было дѣйствовать въ рамкахъ устава 1884 г., подтачивающей его практики, сложившейся за 20 лѣтъ, и рѣзко противорѣчащаго ему указа 27 августа 1905 года.

Указъ 27 августа 1905 г., изданный при опредѣленной политической конъюнктурѣ, подъ вліяніемъ двухъ такихъ различныхъ государственныхъ дѣятелей, какъ кн. С. Н. Трубецкой и Д. Ф. Треповъ, недолго могъ устоять при измѣнившихся условіяхъ.

Сразу начались стремленія свести его на-нѣтъ.

Согласно обычной политикѣ, пошли не прямымъ путемъ. Достигли своего не отмѣной Высочайшаго указа 27 августа 1905 г., а обезвреженіемъ его — кодификаціей, разъясненіями, практикой, опирающейся на силу, хотя бы и противорѣчащей закону.

На это потребовалось шесть лѣтъ. Закончено это было въ истекшемъ 1911 г. И этимъ годъ этотъ становится для насъ исторической датой.

Пока шла эта мелочная и упорная борьба, жизнь текла своимъ путемъ, и пока что совершалась огромная культурная созидательная работа. Количество высшихъ школъ почти удвоилось. Выработаны и введены въ жизнь новыя программы, количество студентовъ и студентокъ достигло почти сотни тысячъ, введены новые, раньше не бывшіе, предметы преподаванія и созданы новые институты, улучшены лабораторіи и научныя пособія. Это было сдѣлано какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ. Въ казенныхъ высшихъ школахъ на это были направлены спеціальныя средства, выросшія вслѣдствіе увеличенія учащихся и улучшенія хозяйства подъ вліяніемъ автономіи. Трудно представить себѣ, какія авгіевы конюшни были найдены въ хозяйствѣ высшей школы, гдѣ хозяйничали люди 1884 года. Въ то же время значительныя новыя средства были привлечены къ созидательной работѣ въ этомъ направленіи въ частныхъ и общественныхъ высшихъ школахъ. Вѣковыя стремленія студенчества къ организаціи, къ свободной общественной жизни получили реальное осуществленіе, хотя и были сильно сужены позже, къ 1911 году, по сравненію съ 1904 годомъ. Традиція академическаго самоуправленія вошла въ плоть и кровь и не можетъ уже быть забыта или уничтожена. Одновременно свободнымъ починомъ общества созданъ былъ новый типъ высшихъ школъ— коммерческіе институты, третій типъ университетскаго характера. Образовались высшіе народные и городскіе университеты, частныя спеціальныя высшія техническія школы. Широко раскинулась высшая женская школа. Началась созидательная работа въ образованіи научныхъ организацій, далекихъ отъ школьнаго ученія.

V.

1911 годъ начался, когда университетская автономія юридически перестала существовать. Указъ 27 августа 1905 г. сперва кодификаціоннымъ путемъ былъ включенъ, какъ примѣчаніе къ уставу 1884 г.! Затѣмъ, въ спорѣ совѣта московскаго университета съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, онъ былъ разъясненъ сенатомъ въ 1909 г. и этимъ разъясненіемъ сведенъ на-нѣтъ.

Создавшаяся на его почвѣ академическая жизнь потеряла легальную почву, стала только терпимой и, очевидно, находилась въ неустойчивомъ состояніи. Оставалось только ждать перваго сильнаго толчка для приведенія ея въ новыя условія, отвѣчавшія реальной жизни. Такой толчокъ не заставилъ себя долго ждать.

Но, прежде чѣмъ перейти къ нему,—къ трагедіи 1911 года,—надо отмѣтить, что и съ другой стороны положеніе было выяснено. Въ 1910 г. въ Г. Думу былъ, наконецъ, внесенъ новый университетскій уставъ. Это былъ самый черный изъ всѣхъ уставовъ, вырабатывавшихся въ 1905—1909 гг., ибо онъ имѣлъ своей задачей провести status quo ante подъ видомъ исполненія Высочайшаго указа о выработкѣ, взамѣнъ устава 1884 г., новаго на принципѣ автономіи. Автономіи въ этомъ проектѣ А. Н. Шварца 1910 г. не было и помину. Новый министръ Л. А. Кассо взялъ этотъ проектъ въ 1910 же году назадъ, но не сталъ заботиться о замѣнѣ его новымъ.

Едва ли можно жалѣть объ этомъ рѣшеніи. Что могутъ дать органы законодательства и управленія въ Россіи при современныхъ условіяхъ?

Но если этотъ шагъ является для университетовъ безразличнымъ, то далеко не такъ надо смотрѣть на связанные съ новымъ уставомъ новые штаты. Ихъ изъятіе составляетъ крупный ударъ развитію университетовъ, ибо штаты, по проекту А. Н. Шварца, значительно улучшали положеніе университетовъ. Несомнѣнно, при широкой наличности въ академической средѣ значительнаго числа преданныхъ наукѣ работниковъ, они могли и должны были содѣйствовать росту научной мысли и научной работы въ Россіи. Новые штаты, отвѣчающіе современнымъ условіямъ,—это то, что могутъ дать положительнаго министерство и законодательныя палаты современнаго уровня. На это можно разсчитывать каждому реальному политику, и гибель этой, вполнѣ осуществимой, надежды должна была подготовлять къ мрачному прогнозу начинающагося года.

Трагедія разыгралась, какъ всегда, студенческими волненіями, начавшимися по частнымъ, случайнымъ поводамъ еще въ предыдущемъ полугодіи и успокоившимися передъ рождественскими каникулами. Они были вызваны вновь въ январѣ, совершенно неожиданнымъ, едва ли законнымъ распоряженіемъ совѣта министровъ отъ 11 января, запретившимъ всякія студенческія собранія въ стѣнахъ высшей школы, и послѣдующимъ циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія 17 января о выработкѣ новыхъ мѣръ противъ студенческихъ безпорядковъ. Распоряженія эти имѣли характеръ вызова; и, дѣйствительно, они привели къ новому взрыву безпорядковъ, котораго университетскія власти не ждали и не хотѣли студенческія массы. Въ общественной средѣ циркулировало даже мнѣніе, не являлось ли цѣлью кабинета П. А. Столыпина вызвать движеніе, какъ было, по словамъ адмирала Дубасова, сказаннымъ одному изъ корреспондентовъ, сознательнымъ ак-

томъ допущеніе московскаго «возстанія» 1905 г. Мнѣ кажется, что такія подозрѣнія, нашедшія себѣ выраженіе къ одной изъ статей князя Е. Н. Трубецкого, слишкомъ тяжелы даже для политики Столыпина; дѣло объясняется проще — плохой организаціей министерства народнаго просвѣщенія, его отчужденностью отъ русской жизни; у него не было другихъ, кромѣ полицейскихъ, формъ воздѣйствія на академическую жизнь. Волненія начались въ Петербургѣ, перешли въ Москву и въ провинцію. Очень скоро они вылились въ безсмысленныя и безумныя формы забастовки.

Движеніе было очень неровное и мало единодушное, кромѣ нѣкоторыхъ высшихъ женскихъ школъ. Оно было сильнѣе въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ больше сохранилось остатковъ автономіи, ибо тамъ оно могло идти безопаснѣе, и студенты могли пытаться стоять на академической почвѣ. Между полицейскими властями и студентами тамъ стояла коллегія профессоровъ и гарантировала до нѣкоторой степени отъ дикихъ жестокихъ мѣръ укрощенія. Эти житейскія соображенія исчезаютъ только въ моменты стихійныхъ серьезныхъ движеній, когда люди идутъ на все, какъ мы это не разъ видали въ 1898—1905 гг. Движеніе 1911 г. не было серьезнымъ движеніемъ, не имѣло корней въ студенческой средѣ, и потому оно сразу приняло самую губительную форму—форму забастовки, освященную печальной практикой русской академической жизни.

Забастовка—самая дикая и самая ужасная форма студенческихъ безпорядковъ. Ее легче провести, такъ какъ она форма *пассивная* и имѣетъ ореолъ успѣха. Несомнѣнно, она имѣетъ сочувствующихъ въ кругахъ общества, не задумывавшихся надъ жизнью высшей школы. Трудно, однако, даже исчислить тотъ вредъ, какой приносила и приноситъ высшей школѣ эта форма борьбы. Въ ея исторіи она стоитъ наравнѣ съ университетскимъ уставомъ 1884 г. Она не только разрушаетъ всю учебную жизнь школы, но пагубно отражается на молодежи, пріучая ее къ бездѣлью и внося въ нее развратъ, ибо послѣ ея прекращенія жизнь заставляетъ какими бы то ни было путями,—обычно унизительными,—уменьшать нанесенный ею отдѣльнымъ лицамъ практическій вредъ. Это рѣзко сказалось и въ этомъ году,—когда явные участники забастовки шли на все, чтобы сохранить формально въ дѣйствительности погибшій годъ,—сохранить переходные и очередные экзамены...

Моральная дезорганизація студенчества, какъ послѣдствіе забастовки, особенно ярко сказалась въ этомъ году въ виду ея полной реальной неудачи. Ея впечатлѣніе на общество было ничтожно, объ общественномъ значеніи ея едва ли можно серьезно говорить. Тысячи людей были выброшены изъ учебныхъ заведеній. Долгій

путь униженій, лишеній, нравственныхъ компромиссовъ пришлось пережить широкимъ кругамъ молодежи для того, чтобы получить возможность продолжать свое ученіе. Было бы большимъ счастьемъ, если бы этотъ жестокій урокъ не прошелъ безслѣдно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта забастовка явилась какъ разъ той каплей, которая нарушила неустойчивое равновѣсіе и привела къ разгрому московскаго университета.

Московскій университетъ стоялъ неуклонно въ первыхъ рядахъ борьбы за автономію, начиная съ 1899 г., когда была подана министру народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣпову и многимъ высокопоставленнымъ лицамъ группой профессоровъ записка, написанная послѣ совмѣстнаго обсужденія В. И. Герье и В. О. Ключевскимъ.

Въ теченіе всего этого времени московская профессура неуклонно стояла, частью въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ своихъ представителей, частью въ лицѣ своихъ коллегіальныхъ органовъ, на томъ же самомъ пути академической автономіи, которая была выставлена и въ этой запискѣ. Достаточно вспомнить ту роль, какую игралъ въ исторіи русской культурной жизни въ эти годы одинъ изъ крупнѣйшихъ ея представителей, проф. князь С. Н. Трубецкой. Князь Трубецкой не только своей жизнью и своей смертью, но и словами лучше всего выразилъ принципы поведенія московской профессуры: университетъ для науки, но не для политики. Московская профессура открыто и опредѣленно боролась за этотъ принципъ, какъ противъ толпы, захватившей университетъ при попустительствѣ властей осенью 1905 г. и сразу создавшей невозможную академическую атмосферу, противъ студенческихъ организацій, выдвинувшихъ принципъ особой «не-буржуазной» науки, въ отличіе отъ науки университетской, и находившихся въ руководительствѣ комитетовъ лѣвыхъ партій, какъ мы знаемъ теперь, уже захваченныхъ щупальцами политической полиціи, съ которыми они находились въ неизвѣстномъ для самихъ комитетовъ единеніи. Но точно такъ же, какъ боролась она противъ *лѣвой* политики, она боролась противъ политики *правой*—противъ вмѣшательства смѣняющихся настроеній различныхъ министровъ народнаго просвѣщенія и ихъ чиновниковъ во внутреннюю жизнь университетовъ и противъ хозяйничанья въ немъ полицейскихъ властей. Длинный рядъ столкновеній завершился, какъ я уже говорилъ, борьбой въ сенатѣ за Высочайшій указъ 27 августа 1905 г., которая кончилась пораженіемъ совѣта московскаго университета.

Огромная солидарность профессорской коллегіи московскаго университета, несмотря на различіе ея политическихъ взглядовъ, позволила московскому университету удержать принципы авто-

номнаго управленія дольше, чѣмъ многимъ другимъ университетамъ, фактически потерявшимъ автономію и перешедшимъ во власть попечителей и министерскихъ канцелярій. Первымъ въ новыя условія на старый ладъ былъ поставленъ университетъ Новороссійскій въ Одессѣ. Давно было ясно, что измѣненіе условій жизни и въ московскомъ университетѣ есть дѣло времени и случая.

При началѣ студенческихъ волненій въ январѣ 1911 г. совѣтъ и выборная университетская администрація попрежнему самымъ энергичнымъ образомъ боролись противъ забастовки, которая шла въ московскомъ университетѣ вяло, и можно было надѣяться, что она окончится безъ тяжелыхъ послѣдствій для университета. Забастовка встрѣтила сопротивленіе не только въ профессурѣ, но и въ студентахъ. Совершенно неожиданно, однако, университетская администрація оказалась въ этотъ моментъ въ новомъ для нея положеніи. Во время волненій она впервые за всѣ эти годы оказалась отстраненной отъ управленія университетомъ; въ университетъ произвольно являлась полиція и распоряжалась согласно своимъ даннымъ и своимъ инструкціямъ. Положеніе университетскаго начальства стало унизительнымъ, и роль, которую ему приходилось играть, не отвѣчала ни достоинству профессора вообще, ни тѣмъ нравамъ, которые установились въ московскомъ университетѣ и которые позволили ему достигнуть въ эти послѣднія шесть лѣтъ небывалаго въ его долголѣтней исторіи расцвѣта. Университетское начальство никогда не могло знать, чѣмъ кончится любой день и какія послѣдствія вытекутъ изъ самой пустой студенческой исторіи, ибо хозяиномъ университета въ это время являлась полиція. Положеніе стало быстро сгущаться еще больше, ибо въ первые же дни выяснилось, что дѣло идетъ не только о мѣрахъ противъ участниковъ дѣйствительно происходившихъ сходокъ. Появились признаки о подготовлявшихся мѣропріятіяхъ болѣе общаго характера; начались, напримѣръ, запросы о поведеніи отдѣльныхъ лицъ преподавательскаго персонала, основанные на агентурныхъ свѣдѣніяхъ; полицейскія власти стали не только прекращать волненіе, но подбирать аудиторію читающему профессору и т. п. Выборная, на почвѣ указа 27 августа 1905 г., администрація стала въ положеніе, которое этимъ указомъ не предвидѣлось. Нельзя было предугадать, въ какое еще болѣе тяжелое и унизительное положеніе приведутъ ее быстро развертывавшіяся событія.

Не видя выхода, ректоръ А. А. Мануйловъ, помощникъ ректора М. А. Мензбиръ и проректоръ П. А. Минаковъ рѣшили подать въ отставку отъ административныхъ должностей, о чемъ извѣстили совѣтскую комиссію. Послѣдняя въ полномъ своемъ составѣ при-

знала мотивы отставки уважительными, и въ этомъ смыслѣ, съ ея вѣдома, заявленіе президіума было внесено въ совѣтъ университета, который принялъ отставку всѣми голосами противъ одного. Само собою разумѣется, подавая въ отставку отъ выборныхъ должностей, президіумъ ни на минуту не прекратилъ и не думалъ прекращать взятыхъ имъ на себя обязанностей. Не ожидая репрессій, онъ велъ управленіе университетомъ попрежнему. Мотивы, выясняющіе положеніе дѣлъ, были изложены въ представленіи совѣта московскаго университета отъ 2 февраля 1911 г. Пока все это происходило въ Москвѣ, въ тотъ же день, какъ совѣтъ принималъ свое заключеніе, министръ народнаго просвѣщенія удалилъ изъ московскаго университета безъ прошенія и причислилъ къ министерству народнаго просвѣщенія профессоровъ Мануйлова, Мензбира и Минакова. Этотъ актъ былъ спѣшно опубликованъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», причемъ мѣра эта была предпринята противъ заслуженнаго профессора Мензбира съ нарушеніемъ закона, такъ какъ министръ не могъ удалять его изъ числа профессоровъ московскаго университета своею властью.

Эта мѣра поразила, какъ громомъ, московскій университетъ. Студенческія волненія отошли на задній планъ, и на первое мѣсто выступилъ вопросъ объ автономіи университета и человѣческомъ достоинствѣ управлявшей университетомъ коллегіи. Все управленіе университетомъ велось проф. Мануйловымъ и его помощниками всѣ года, при постоянномъ контролѣ совѣта и совѣщаніи съ совѣтской комиссіей, всѣ мѣры многократно утверждались совѣтомъ, самая отставка была совѣтомъ принята. Президіумъ совѣта пострадалъ не за себя, а за исполненіе порученій совѣта.

При такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, не видя никакой возможности найти выходъ, удовлетворявшій ихъ представленіямъ о человѣческомъ достоинствѣ и чести, 21 профессоръ московскаго университета подали въ отставку *). За ними послѣдовалъ рядъ приватъ-доцентовъ и другихъ преподавателей **). Изъ московскаго

---

*) Профессора А. С. Алексѣевъ, В. М. Хвостовъ, Г. Ф. Шершеневичъ, кн. Е. Н. Трубецкой, Д. М. Петрушевскій, Н. А. Умовъ, В. И. Вернадскій, П. Н. Лебедевъ, А. А. Эйхенвальдъ, Н. Д. Зелинскій, К. А. Тимирязевъ, А. Б. Фохтъ, В. Д. Шервинскій, С. А. Чаплыгинъ, Б. К. Млодзѣевскій, В. К. Цераскій, П. П. Алексинскій, В. К. Ротъ, Ф. А. Рейнъ, В. П. Сербскій, П. Г. Виноградовъ. Проф. А. П. Соколовъ, подавшій въ отставку, взялъ позже ее назадъ.

**) Согласно официальному отчету университета, освобождены отъ званія приватъ-доцентовъ по историко-филологическому факультету: Соколовъ, С. Ф. Фортунатовъ, Виноградовъ, А. А. Кизеветтеръ, Кубицкій, Пичета, Романовъ, Сакулинъ, Егоровъ; по физико-математическому факультету: А. В. Власовъ, И. И. Жегалкинъ, Волковъ, Виноградовъ, Поляковъ, Финиковъ, П. П. Лазаревъ,

университета ушло болѣе 100 преподавателей,—случай, неслыханный въ исторіи высшихъ школъ,—почти треть наличнаго состава его учительскихъ силъ.

Всѣ попытки совѣта какъ-нибудь измѣнить положеніе дѣлъ были неудачны. Депутація его была въ Петербургѣ министромъ не принята.

Старый московскій университетъ пересталъ существовать.

Семестръ состоялся до конца для виду, лекціи тянулись при почти пустыхъ аудиторіяхъ. Весною состоялись экзамены, очень людные. Осенью начались лекціи, и были назначены профессора на большинство кафедръ.

Началась расправа съ ушедшими и удаленными. Была назначена «ревизія» московскаго университета надъ дѣятельностью стараго правленія, послѣ того какъ въ ревизію 1910 г., произведенную попеч. Ждановымъ, ничего не было найдено. Проф. С. Ф Платоновъ, которому было предложено производить эту «ревизію», вышелъ изъ членовъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, и она была поручена бывшему одесскому профессору Деревицкому. Способъ производства этой ревизіи и ея характеръ являются новинкой даже въ исторіи министерства народнаго просвѣщенія и составятъ любопытную картинку будущей «Русской Старины». Пока вся ея дѣятельность покрыта тайной, и, должно быть, въ 1912 г. придется съ ней имѣть дѣло.

Тимирязевъ, А. В. Цингеръ, А. Н. Шиловъ, А. Н. Реформатскій, Чичибабинъ, Стадниковъ, Титовъ, Павловъ, Ю. В. Вульфъ, В. В. Карандѣевъ, Цебриковъ, Худяковъ, Самойловъ, Лейбензонъ, Будиновъ-Будзинскій, Строгановъ, Новиковъ, Кулагинъ, Синицынъ, Н. В. Кольцовъ, Усовъ, Бѣлоголовый, Круберъ, Колмогоровъ, Григорьевъ; по юридическому факультету: Н. В. Давыдовъ, Булгаковъ, Ефимовъ, П. И. Новгородцевъ, Устиновъ, Гернетъ, Загряцковъ, Сыромятниковъ, Шапошниковъ, Полянскій, Ф. Ф. Кокошкинъ, Вормсъ, Боровой, Горбуновъ, Кистяковскій; по медицинскому факультету: Шатерниковъ, Юдинъ, Тарасевичъ, Марциновскій, Власовъ; Д. Д. Плетневъ, Кабановъ, Варпехъ, Ашманъ (Ошманъ), Степановъ, Сверженскій, Левицкій, Россолимо, Кисель, Чернеховскій, Ганнушкинъ, М. Молчановъ, Ланговой, Предтеченскій, Кусковъ, Игнатьевъ, И. Александровъ, Поліевктовъ. Сверхъ того помощники прозектора при разныхъ кафедрахъ и институтахъ: Заборовскій, Дмитріевъ, Томашевичъ, Бѣляевъ и Наумовъ; лаборанты при институтахъ, кабинетахъ, медицинскихъ кафедрахъ и при клиникахъ: Наметкинъ, Кравецъ, Мозеръ, Стадниковъ, Лазаревъ, Романовъ, Гоніусъ, Тимирязевъ, Лисицынъ, Вильборгъ, Мейеръ, Лебеденко, Портъ, Титовъ, Бѣлоголовый, Усовъ, Строгановъ, Жарковъ, Россолимо, Шамшинъ; ассистенты при клиникахъ, кабинетахъ и кафедрахъ: Коротневъ, Осиповъ, Аршиновъ, Карандѣевъ, Черновъ, Круберъ, Бѣляевъ, Комаровъ, Ивановъ, Довбня, Кабатовъ, Есиповъ, Гагманъ, Бабасиновъ, Хорошко; ординаторы: Рудаевъ, Дерябинъ, Розенштейнъ, Каллинниковъ, Вяхиревъ, Кожевниковъ, Шморель, Петеръ и Шлякъ.

VI.

Московскій университетъ вступилъ въ новый періодъ своего существованія. Несомнѣнно, пройдетъ время, раны залечатся. Московскій университетъ переживетъ свой разгромъ такъ же, какъ пережилъ его университетъ петербургскій послѣ Рунича, какъ пережилъ онъ разгромъ 1884 г. Въ немъ и теперь сильна старая традиція,—онъ, какъ Антей, не оторванъ отъ земли—отъ науки.

Но то, что совершилось въ московскомъ университетѣ, не явилось случайностью. Изгнаніе отдѣльныхъ профессоровъ для терроризаціи оставшихся было поставлено цѣлью практической политики П. А. Столыпина.

Почти одновременно съ московскимъ университетомъ произошла исторія съ кіевскимъ политехническимъ институтомъ, подвѣдомственнымъ министерству торговли и промышленности. Совѣтъ московскаго университета не отвѣтилъ на распоряженіе совѣта министровъ отъ 11 января 1911 г. о запрещеніи студенческихъ собраній: онъ передалъ его для предварительной разработки въ комиссію. Совѣтъ кіевскаго института принялъ другую тактику: онъ отвѣтилъ особымъ представленіемъ министерству торговли. Въ отвѣтъ на это представленіе три декана,—члены совѣта—проф. А. В. Нечаевъ, К. П. Шиндлеръ и С. П. Тимошенко—были уволены безъ прошенія. Всѣ попытки уладить и измѣнить это дѣло были неудачны, и нѣсколько профессоровъ и преподавателей кіевскаго института сочли невозможнымъ для себя при этихъ обстоятельствахъ оставаться въ институтѣ. Ушли профессора Л. В. Писсаржевскій, Н. А. Артемьевъ, С. А. Ивановъ, М. М. Тихвинскій, Ю. Н. Вагнеръ, Д. П. Рузскій, А. В. Ключаревъ, ассистенты Арнольдъ, Ракотянъ и Коневскій. Вскорѣ лѣтомъ изъ томскаго института были удалены профессора Рыбалкинъ и Янишевскій, на-дняхъ оттуда же—проф. В. О. Обручевъ. Изъ томскаго университета удалены профессора Малиновскій и Молинъ. Удаленія эти были сдѣланы въ связи съ «ревизіей», произведенной бывшимъ профессоромъ петербургскаго университета Ждановымъ. Результаты ревизіи были покрыты тайной. Профессора не получили возможности защититься и узнать, за что именно они удалены. Изъ донского института, при аналогичныхъ условіяхъ, удаленъ проф. Грузовъ, изъ высшаго женскаго медицинскаго института—выборный директоръ проф. С. С. Салазкинъ. Нѣсколькимъ профессорамъ того же института было предложено подать въ отставку.

но министерство народнаго просвѣщенія вынуждено было взять это требованіе назадъ, такъ какъ неудачно его мотивировало. Изъ петербургскаго университета проф. М. Я. Пергаментъ переведенъ въ Юрьевъ и послѣ его отказа перейти уволенъ; позже удаленъ приватъ-доцентъ В. Н. Сперанскій. Одновременно послѣдовалъ цѣлый рядъ назначеній новыхъ профессоровъ, обладающихъ или достаточной «благонадежностью», или высокими связями. Выборы сведены на-нѣтъ; выборные профессора не утверждаются (какъ проф. П. С. Усовъ въ Москвѣ, Н. И. Андрусовъ въ петербургскомъ университетѣ, проф. М. М. Тихвинскій въ петербургскомъ технологическомъ институтѣ и т. д.); не утверждаются и избранники въ выборныхъ должностяхъ. Въ казанскомъ университетѣ вслѣдствіе этого никакъ не могутъ выбрать проректора, въ томскомъ утвержденъ только третій избранникъ и т. д. Всюду активно стремятся достигнуть «благонадежнаго» большинства коллегіи; политика внѣдрена въ школу всею своею силою.

Такъ идетъ быстрое возвращеніе къ нравамъ и обычаямъ устава 1884 г. Едва ли можно сомнѣваться, что и послѣдствія этого возвращенія будутъ тѣ же, которыя мы пережили послѣ 1884 г.

Несомнѣнно, сейчасъ въ академическую жизнь внесенъ терроръ. Можетъ быть, есть и напуганные, но несомнѣнно, что *вся* профессура чувствуетъ себя подавленной и неудовлетворенной созданными условіями жизни. Торжествующихъ немного. Негодованіе скрыто и ярко не проявляется; оно таится такъ же, какъ таилось въ 1885 г., напр., послѣ введенія новаго устава и удаленія изъ московскаго университета М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева, В. А. Гольцева. Въ профессуру внесена дезорганизація. Въ мутной средѣ быстро дѣлается карьера. Опять происходитъ отборъ. Многими переживаются тяжелыя нравственныя драмы, многіе стоятъ передъ дилеммами, рѣшеніе которыхъ нерѣдко связано съ мученіями. То, что пережито сейчасъ, не забывается. Пройдутъ года, и не своихъ сторонниковъ встрѣтитъ министерство въ этихъ людяхъ, которыхъ оно поставило на грань, привело къ нравственной борьбѣ. Такъ было послѣ 1884 г., и не во власти людей измѣнить сложныя движенія совѣсти.

Но что же дальше? Неужели можно искренно думать, что возможно долго жить въ этой атмосферѣ?

Научныя и академическія традиціи глубоко вошли въ русскую школу, и не могутъ ученые,—въ цѣломъ—долго безпрекословно подчиняться канцеляріямъ. Тѣ, кто замѣщаетъ ушедшихъ, далеко не въ большинствѣ являются послушными чиновниками. Многіе изъ нихъ вступятъ на ту же академическую почву, на которой стояли ушедшіе и изгнанные. Они станутъ на нее такъ же, какъ пришли на

эту дорогу ихъ предшественники, тяжелымъ опытомъ жизни, ноо и для нихъ дорого то же—научное исканіе и ученіе молодежи. И то, и другое несовмѣстимо съ господствомъ въ высшей школѣ безпринципнаго или невѣжественнаго чиновничества.

Думать, что высшую школу можно держать въ рукахъ, замѣнивъ профессоровъ исключительно партійными людьми, искренними сторонниками черной сотни,—ибо сейчасъ въ школѣ проводится политика Пуришкевича,—безумная мечта. Эти партійные фанатики составляютъ ничтожную кучку и въ болѣе широкихъ кругахъ русскаго народа и общества, и тѣмъ меньше ихъ будетъ въ академической средѣ, которая въ главной своей части чужда политикѣ.

Дѣло разрушенія дѣлается—до созиданія далеко. То движеніе, которое приводило къ автономіи русской школы въ 1809, 1863, 1905 гг., приведетъ ее къ ней опять при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Точно также не войдетъ въ министерскія рамки и дезорганизованная жизнь студенчества, являющаяся всегда чуткимъ отраженіемъ общественнаго настроенія.

Какъ вездѣ въ русской жизни, и здѣсь нѣтъ ни сознанія прочности положенія, ни удовлетворенія.

Мы опять стоимъ на перепутьи.

VII.

Мы стоимъ здѣсь, однако, на другомъ перепутьи, чѣмъ стояли въ 1884 г. Въ русской жизни совершился въ 1905 году историческій сдвигъ, и невозможенъ возвратъ къ прошлому.

Наша жизнь состоитъ не только изъ партійной борьбы, завываній реакціи, глухого недовольства и негодованія, казней и репрессій, беззаконія, гибели суда, голода, подавленія общественныхъ начинаній, травли національностей, мести политическимъ противникамъ, подавленія слабыхъ, неспособной и невѣжественной бюрократіи... На-ряду съ этимъ, въ русской жизни совершается огромная созидательная работа, и только она даетъ намъ возможность безопасно существовать въ тотъ великій міровой періодъ исторіи человѣчества, какой мы переживаемъ.

Темпъ нашей созидательной работы много слабѣе, чѣмъ темпъ развитія англо-саксонскихъ государствъ или народовъ германской расы,—но онъ все же достаточенъ, чтобы не привести насъ къ реальной опасности государственнаго распаденія.

И, можетъ быть, лучше всего кончить обзоръ трагическаго 1911 года указаніемъ на созидательную творческую работу этого года въ тѣхъ областяхъ, которыя связаны съ высшей школой и научной организаціей націи.

На первомъ мѣстѣ здѣсь надо отмѣтить огромный ростъ научной работы страны. Тотъ расцвѣтъ научной мысли и научной культуры въ Россіи, который мы переживаемъ въ послѣднія 20 лѣтъ, даже не дрогнулъ отъ ударовъ, нанесенныхъ ему дѣятельностью министерства Столыпина. Правда, отдѣльные живые научные институты въ Москвѣ, Кіевѣ, Томскѣ разрушены и перешли въ руки людей, отставшихъ или не интересующихся наукой,—но, вмѣсто нихъ, выросли новые. Въ общемъ, научная работа высшей школы шла своимъ путемъ. Высшіе женскіе курсы, коммерческіе институты московскій городской университетъ, психоневрологическій институтъ, институтъ сельскаго хозяйства, археологическіе институты, многія изъ высшихъ техническихъ школъ находились въ непрестанномъ ростѣ и развитіи. Широко выростаетъ дѣятельность академіи наукъ и ея учрежденій, задерживаемая только недостаткомъ средствъ. Но въ этомъ году въ Г. Думу внесены правительствомъ новые штаты академіи, которые позволятъ вывести это національное учрежденіе изъ того нищенскаго положенія, въ какомъ оно находится. Въ такомъ же положеніи находится дѣятельность геологическаго комитета, новые штаты котораго внесены въ Думу. Со всѣхъ сторонъ—изъ Воронежа, Самары, Тифлиса, Ростова, Екатеринбурга, Перми—идутъ средства и требованія созданія высшихъ школъ, и съ этими требованіями вынуждено считаться правительство.

Ушедшіе и изгнанные профессора въ огромномъ большинствѣ нашли уже примѣненіе своимъ силамъ,—ибо нельзя выбросить изъ жизни народа тѣхъ, которые совершаютъ его національное дѣло. Среди нихъ были и такіе люди, имена которыхъ перейдутъ въ исторію, какъ имена народныя.

Потребности жизни берутъ свое. Повторяется старая исторія. Работу министерства народнаго просвѣщенія дѣлаютъ другія вѣдомства; такъ, сейчасъ крупная роль въ исторіи русской культуры связана съ дѣятельностью главнаго управленія земледѣліемъ и землеустройствомъ не только въ организаціи почвенныхъ изслѣдованій, разнообразныхъ сельскохозяйственныхъ станцій, но и въ созданіи новыхъ, небывалыхъ въ Россіи кафедръ, новыхъ начинаній, тѣсно связанныхъ съ ростомъ научнаго мышленія. Въ этомъ году получила начало новая сѣть сейсмической организаціи нашей страны, поднятъ вопросъ о геодезическомъ, почвенномъ комитетахъ, кавказскомъ институтѣ. Впервые въ русской исторіи сталъ на почву реальныхъ начинаній вопросъ объ изслѣдовательскихъ институтахъ: въ Петербургѣ—академіей наукъ, въ видѣ ломоносовскаго института, въ Москвѣ—обществомъ опытныхъ наукъ имени Леденцова и частнымъ кружкомъ лицъ, связаннымъ

съ ушедшими и изгнанными профессорами московскаго университета. Послѣдній институтъ не получилъ пока разрѣшенія. Онъ получилъ отказъ въ регистраціи, но едва ли можно сомнѣваться, что этотъ отказъ не можетъ быть долго выдержанъ, такъ какъ нельзя правительству ставить себя въ смѣшное положеніе, бороться съ чисто научными учрежденіями, на позоръ передъ всей Европой. Московскій научный институтъ, несомнѣнно, будетъ учрежденъ, если только иниціаторы его не оставятъ дѣла послѣ перваго отказа, который останется исторической датой нашего времени.

Широкой волной сейчасъ идетъ въ нашей странѣ научная жизнь и стремленіе къ ея организаціи. Это выражается и въ ростѣ научной литературы, ея популяризаціи, въ съѣздахъ, новыхъ научныхъ предпріятіяхъ, во все увеличивающемся ростѣ мѣстныхъ научныхъ центровъ.

И этотъ ростъ, идущій въ темпъ съ міровымъ ростомъ человѣческой культуры, заставляетъ насъ спокойно смотрѣть въ будущее. Пока научная творческая жизнь не ослабѣла, можно быть убѣжденнымъ, что Россія и въ той міровой новой жизни, какая на нашихъ глазахъ сейчасъ развивается, въ грозной обстановкѣ міровой государственной конкуренціи найдетъ себѣ мѣсто и сумѣетъ измѣнить согласно новымъ требованіямъ времени и своей безопасности обветшалыя и устарѣвшія формы своей жизни.

При всемъ трагизмѣ пережитаго, 1911 годъ показываетъ, что китайскіе драконы и охраняющая ихъ кулачная сила не имѣютъ для себя прочнаго мѣста ни въ Китаѣ, ни въ другихъ государствахъ въ XX вѣкѣ, вѣкѣ электричества и радія.

В. И. Вернадскій.